

ВСЕМИРНО-ГРАЖДАНСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ БЕЛАРУССКОГО ПРОТЕСТА — 2020 И ПОСТСОВЕТСКИХ ПРОТЕСТНЫХ ДВИЖЕНИЙ

Михаил Минаков

UNIVERSAL SIGNIFICANCE OF THE BELARUSSIAN PROTEST — 2020
AND OF OTHER POST-SOVIET PROTEST MOVEMENTS

© Mikhail Minakov

Dr. habil. in Philosophy, Senior Fellow, Kennan Institute/Woodrow Wilson
International Center for Scholars
1300 Pennsylvania Avenue NW, Washington, DC 20004, USA

ORCID ID: 0000-0002-0619-7321

Email: mikhailminakov1971@gmail.com

Abstract: This article provides an answer to two questions: (1) which factors enabled and undermined the protest movement's democratic agenda in 2020 in Belarus, as well as in other post-Soviet mass movements of the recent decade? and (2) what are the lessons that the post-Soviet protest movements have for the global civil society? The author argues that the regime survived the 2020 protests due to the protesters failing to consolidate their energy with the political parties and due to the loyalty of the political class to the top-down vertical nature of the Belarusian 'pyramid of power'. However, repressive turn of the Lukashenka regime undermines its legitimacy in the mid- to long-term perspective. The Belarus protest movement is compared to similar movements in other post-Soviet societies, demonstrating positive and negative influences of the protests for political community.

The author concludes this article with the definition of three universal lessons of the Belarus and other post-Soviet protests movements: (1) adherence to the political freedom needs practical justification, not official and media rhetoric; (2) civil and partisan involvement in a collective action should be in agreement based on mutual trust of citizens and politicians; (3) each protest movement should be aware of the negative consequences of the radical agenda for the sovereignty of political community.

Key words: universal, Belarus, Eastern Europe, protest, regime, movement, Armenia, Georgia, Moldova, Ukraine, Russia

1. Введение

Восточноевропейские страны все чаще оказываются в центре внимания политиков и исследователей всего мира. Если в начале 1990-х гг. многие западные философы сетовали, что Восток перестал производить универсальные идеи¹, то в XXI веке Восточная Европа отчасти исправилась, став производить практики, претендующие на всемирно-гражданское значение². Эти практики связаны с коллективным опытом посткоммунистического транзита — разнообразнейшего коллективного опыта, включающего, среди прочего, опыт государственного строительства и политического развития обществ, сформированных при сильном влиянии марксистской социальной инженерии и советского проекта в XX веке, а также неолиберальной, леволиберальной и националистической идеологий конца XX — начала XXI столетий. Последнее тридцатилетие было временем, где полагание новых начал в публично-политической сфере и влияние прошлого вместе создали особый мир переизобретения капиталистической современности с ее разделением публичности и приватности (после опыта тоталитарного проникновения публичного во все сферы приватного), изобретением национальной (зачастую трайбалистской) традиции с ее демодернизирующей и очаровывающей силой (после опыта построения сложных социалистических многонациональных государств) и человека, распятого на разнонаправленных и разноскоростных векторах драматических посткоммунистических изменений³. Среди восточноевропейских практик со всемирно-гражданским значением — или исторической претензией на него — оказались массовые гражданские протестные движения.

Постсоветские протестные движения — социально-политический феномен, в котором проявляется борьба универсальных противоречивых начал: свободы и подчинения, гражданственности и подданничества, политического творчества в его либеральной и консервативной формах, неравенства и солидарности. В последнее десятилетие, которое все чаще называют началом «третьей

1 Об этом, например, см.: Höslе, 1992: 228 и далее.

2 Всемирно-гражданское значение как в кантовском смысле (Kant, 2019), так и в смысле современного глобального гражданского общества (Kaldor, 2013; Francis, 2021), которое трансцендирует и принимает как свой элемент интерес автономной личности гражданина и интересы социальных, религиозных или этнических групп, составляющих многообразное сообщество (Mouffe, 2013).

3 Об этом см.: Minakov, 2018: 13ff.

волны автократизации»⁴, несколько восточноевропейских массовых протестов — украинский Евромайдан (2013–2014), армянская «бархатная революция» (2018) и белорусский Протест-2020 — стали событиями международного значения, значительно влияющими не только на политическую ситуацию на континенте или на соотношение глобальных военно-политических блоков, но и на понимание того, что такое гражданское общество и какие блага и риски оно несет для свободы и достоинства.

Однако если, к примеру, Евромайдан и ереванская «бархатная революция», их происхождение и влияние на постсоветскую политику, на безопасность Европы и Евразии, а также на отношения глобальных военно-политических союзов хорошо описаны и осмыслены⁵, то белорусский Протест-2020 — это событие, которое, может, уже и завершилось⁶, но чье всемирно-гражданское влияние все еще предстоит понять и описать. Впрочем, уже сейчас ясно, что фальсификация президентских выборов в Беларуси в 2020 г., последовавшие за этим массовые протесты и превращение относительно «мягкой» постсоветской автократии в крайне репрессивный режим, системно нарушающий и собственную Конституцию, и неформальные правила прежней белорусской системы, и фундаментальные нормы международного права, — все это выводит белорусскую ситуацию в центр изучения глобальной волны автократизации и борьбы за гражданские права (Benedek, 2020; HRW, 2021).

В этой статье я попытаюсь ответить на два связанных с вышеизложенным контекстом вопроса, политологический и социально-философский, а именно:

1. Какие факторы работали против демократической программы протестующих и способствовали углублению автократизации режима Лукашенко?
2. О чем говорит опыт борьбы за свои права современных белорусов в контексте глобального ухудшения ситуации с политическими правами и гражданскими свободами? Какие уроки Протест-2020 несет для глобального гражданского общества?

Чтобы ответить на эти вопросы, я сначала обращусь к эмпирическому анализу, который позволит «заземлить» осмысление протестных движений. Идеализирующие и идеологически заряженные «осмысления» гражданских протестов, которые так заметны

4 О третьей волне автократизации см.: Hellmeier et al., 2020; Skaaning, 2020; Boese et al., 2021.

5 См., например: Marples & Mills, 2014; Abrahamian & Shagoyan, 2018; Feldman & Alibašić, 2019; Der Matossian, 2020; Zhuravlev & Ishchenko, 2020; Minakov, Kasianov & Rojansky, 2021.

6 Завершение «Белорусской революции — 2020», к примеру, отрицает Ольга Шпарага с аргументацией, которая заслуживает внимания (Shparaga, 2021).

в случае, например, Евромайдана, можно предупредить именно с помощью эмпирических (и сравнительных) аргументов политологического характера и лишь затем обратиться к собственно социально-философскому осмыслению гражданских протестных движений. Следуя этой логике, я сначала опишу основные тенденции тридцатилетнего политического развития Беларуси в сравнении с другими постсоветскими странами. Затем я проанализирую факторы, поддерживающие как массовые протестные движения, так и репрессивный поворот белорусского режима в сравнении с другими протестными движениями в Восточной Европе. И в конце я попробую выделить уроки постсоветских протестных движений, и белорусского Протеста-2020 прежде всего, во всемирно-гражданском плане.

2. Постсоветская ситуация и политическое развитие Беларуси

После распада Советского Союза белорусская политическая система развивалась в сочетании советского политического наследия и специфического постсоветского консервативного творчества (Marples, 2013: 7 и далее; Etkind & Minakov, 2020: 10–11). Руководство Белорусской Советской Социалистической Республики было в числе инициаторов распада Советского Союза. Беловежские соглашения 1991 г. были разработаны на территории республики при активном участии Станислава Шушкевича (председатель Верховного Совета БССР), Вячеслава Кебича (председатель Совета Министров БССР) и Петра Кравченко (министр иностранных дел БССР). Первые два политика остались у власти после распада Союза, управляли страной в момент приобретения независимости и период разворачивания политического и социально-экономического постсоветского проектов (Marples, 2013: 9 и далее; Aslund, 2007: 57 и далее). Внутренняя политическая борьба между элитами по вопросам стратегии государственного строительства задерживала экономические реформы и усугубляла социально-экономический упадок в первые годы независимости. К 1995 г. белорусская экономика потеряла 36% своего ВВП по сравнению с 1990 г. (Aslund, 2007: 60).

Александр Лукашенко, в то время ярый оппозиционный популист, сумел использовать недовольство населения национал-демократами и ностальгию по советской «стабильности» для победы на президентских выборах в 1994 г. и победил с 80% голосов избирателей (т.е. получил около 56% всех избирателей Беларуси) (ЦИК, 1994; Koulinka, 2012: 23 и далее). Это событие в корне изменило направление и темп постсоветской трансформации в Беларуси, которые из медленных демократических превратились в быстрые

автократические. В силу этого на Западе укрепилось мнение о Лукашенко как о «последнем европейском диктаторе» (BBC, 2001; European Parliament, 2006). Однако более реалистичный анализ показывает, что Лукашенко был не последним, а первым постсоветским диктатором и своего рода чемпионом автократизации в Восточной Европе (Minakov, 2019: 178 и далее; Skaaning, 2020: 1538 и далее).

Автократические реформы Лукашенко были направлены на создание единой «пирамиды власти», которая включала в себя все ветви государственной власти, все центральные и местные государственные учреждения, все крупные государственные и частные предприятия и основные неформальные властные группы (Hale, 2014: 68 и далее). Эта вертикаль власти управлялась знаковым для постсоветского пространства институтом «администрации президента» — гибридным институтом власти, способным неформально контролировать все формальные государственные учреждения, структуры безопасности и обороны, крупные государственные и частные корпорации, а также неформальные группы властных элит. Другим важным органом является межведомственная комиссия по вопросам безопасности и информации, которая координирует работу всех белорусских силовиков и медийщиков и обеспечивает режиму полный контроль над политической ситуацией в стране. Под руководством президентской администрации автократические реформы были проведены быстро и решительно при поддержке населения — их поддержали белорусские граждане на референдумах 1995 и 1996 гг.⁷ Лукашенко также был признан набравшим достаточное количество голосов для занятия президентского поста на преимущественно сфальсифицированных и нечестных выборах 2001, 2006, 2010, 2015 и 2020 гг. Уже к 2001–2002 гг., когда появились первые признаки автократического поворота в режимах Владимира Путина и Леонида Кучмы, Беларусь представляла собой устоявшуюся эффективную автократию (Karatnysky et al., 2003).

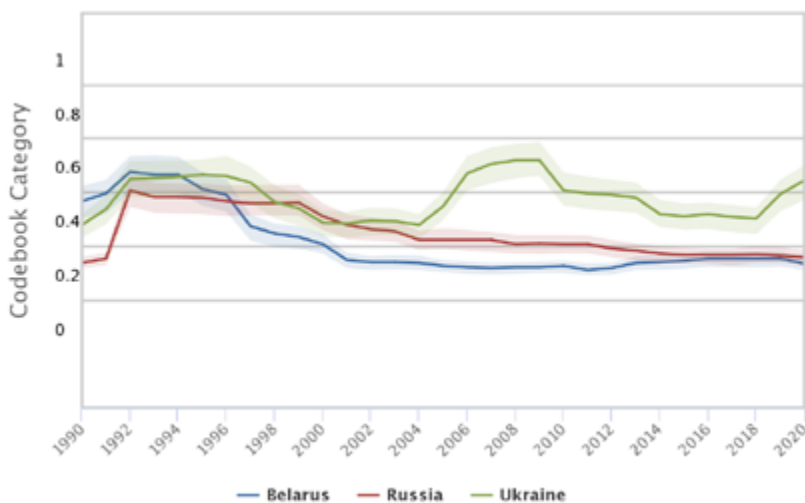
Опираясь на информацию, собранную в базе данных Varieties of Democracy, можно визуализировать динамику политического режима в Беларуси (V-Dem, 2021). Если измерять эту динамику в соответствии с тремя основными элементами демократизации — электоральным, либеральным и партиципативным компонентами (Brunkert et al., 2019: 425), — можно увидеть, как быстро Беларусь развивала свою автократию.

Электоральный компонент измерения демократического развития описывает практику приведения политики правящих групп

7 Автократия получила поддержку и на референдуме 2004 г., но тут существуют основания сомневаться в реальности результатов референдума, поскольку он проводился уже в условиях, не способствующих открытой дискуссии и принятию информированного решения гражданами.

в соответствии с запросом граждан, «достигаемого посредством избирательной конкуренции за одобрение электората» (Hicken et al., 2021: 43). Итак, с точки зрения электоральной демократии, ситуация в Беларуси и во взятых для сравнения России и Украине улучшалась с 1990 до 1994 г., когда в Беларуси началось сокращение избирательных прав граждан. Радикально состояние избирательных прав ухудшилось в 1997 и 2002 гг. При этом в России объем избирательных прав граждан начал сужаться примерно в 2000–2001 гг. с радикальным обвалом в 2003 и 2011 гг. В Украине сужение прав началось в 1998–1999 гг. и ухудшилось в 2010 г., однако качество выборов радикально улучшалось в 2004 и 2019 гг. (для всех трех стран см.: график 1).

График 1. Индекс электоральной демократии в Беларуси, России и Украине 1990–2020 гг.

Источник: V-Dem (версия 11)

Следующий показатель — индекс либеральной демократии — измеряет защиту «прав личности и меньшинств от тирании государства и тирании большинства» (Hicken et al., 2021: 44). Опять же, после нескольких лет одинакового всплеска демократизации в Беларуси, России и Украине в начале 1990-х гг. первая начала терять свои либерально-демократические качества в 1996 г. и оставалась стабильно нелиберальной до лета 2020 г., когда ситуация еще больше ухудшилась. Россия стабильно теряет либеральный компонент демократии начиная с 2000 г. А Украина колеблется между сравнительно худшей (1998–2004, 2010–2018) и лучшей (2005–2009, 2019–2020) ситуациями с точки зрения прав личности и меньшинств (для всех трех стран см.: график 2).

График 2. Индекс либеральной демократии в Беларуси, России и Украине в 1990–2020 гг.

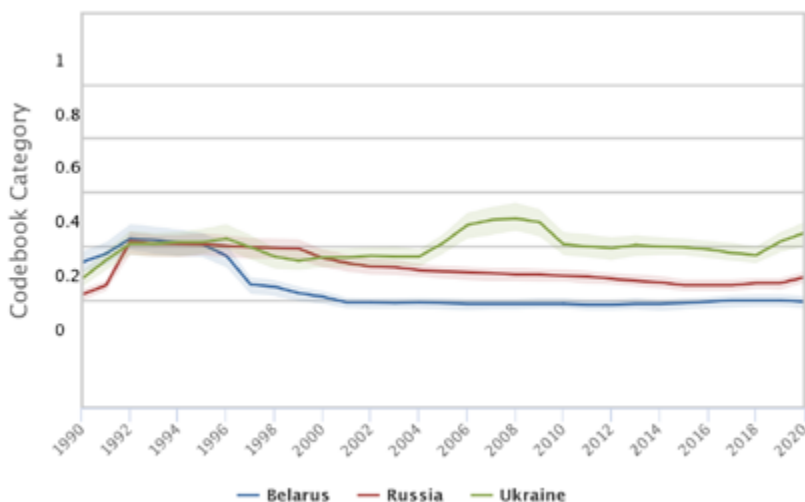

Источник: V-Dem (версия 11)

Индекс демократии участия измеряет, насколько активно «участие граждан во всех политических процессах, избирательных и неизбирательных» (Hicken et al., 2021: 44). С точки зрения партиципативной демократии, в Беларуси началось сужение прав в 1994 г., и этот процесс достиг дна к 2001 г. С 2002 г. выборы, референдумы, местные советы и другие общественные институты потеряли возможность для участия граждан в принятии решений с демократическим эффектом. Вертикаль власти в Беларуси использовала де-юре демократические институты для своей легитимации вплоть до 2020 г., когда несвободные и нечестные выборы стали работать против легитимности Лукашенко. Россия же постепенно ограничивала участие граждан, но все еще использовала этот элемент для легитимации правления Путина, в том числе в 2020 г., когда ему потребовалось одобрение автократических изменений в Конституции РФ. Между тем Украина сохранила участие граждан в принятии решений на уровне не ниже 1992 г. с двумя периодами улучшения (2004–2009, 2019–2020) (см.: график 3).

Из трех восточноевропейских стран именно Украина продемонстрировала свою приверженность пути демократизации, хотя она так и не достигла статуса свободной политической системы или демократического государства ни по одному из измерений. В то же время Беларусь была постоянным лидером автократизации в Восточной Европе. На раннем этапе белорусское общество, несмотря на собственную историю демократической культуры, которая проявила себя в массовых протестных движениях

График 3. Индекс демократии участия в Беларуси, России и Украине в 1990–2020 гг.

Источник: V-Dem (версия 11)

и особенно была заметна в 2020 г., приняло такой «общественный договор», при котором социально-экономические интересы большинства населения отдавались в обмен на все более авторитарную консолидацию власти в руках неизменного президента (Wilson, 2016: 79). В результате социальное обеспечение, доходы домохозяйств и распределение ВВП на душу населения у белорусов оставались намного выше, чем у украинцев; при этом объем гражданских прав и политических свобод украинцев был неизменно шире, чем у белорусов (Minakov, 2019: 176, 189). Иначе говоря, в рамках такого «автократического общественного договора» белорусы обменяли свои политические права на социально-экономические интересы, при этом так и не став ни обществом благосостояния, ни богатым обществом, сравнимым с соседней Польшей или странами мир-системного ядра.

После двух десятилетий существования режим Лукашенко вступил в период подготовки передачи власти. Как и в других постсоветских автократиях, белорусский режим был основан на авторитарном правлении и патрональной/неопатримониальной культуре (Fisun, 2012: 88–89; Hale, 2014: 18 и далее). Для таких режимов обычно главной слабостью является здоровье авторитарного правителя и его/ее способность сохранять контроль над вертикалью власти. Так, стареющие постсоветские азербайджанские и казахстанские автократы смогли передать власть подготовленным преемникам — Ильхаму Алиеву в 2003 г. и Касым-Жомарту Токаеву в 2019 г. соответственно.

Александр Лукашенко начал подготовку к постепенной передаче власти в 2015 г., как и Нурсултан Назарбаев. После шока от российской агрессии против Украины в 2014 г. белорусский президент предпринял несколько критических шагов для обеспечения своей безопасности: он организовал досрочные президентские выборы в 2015 г., подавил гражданские организации как прозападного, так и пророссийского характера, а также сменил руководителей спецслужб и армии на более лояльных (и менее связанных с Кремлем) лиц. Благодаря этому он легко переизбрался, тогда как попытки гражданских протестов были эффективно подавлены милицией и КГБ (Minakov, 2017: 47 и далее). Но при этом он потерял время на принятие решения о преемнике. Его выбор постоянно колебался между одним из сыновей (азербайджанская модель) и одним из его самых верных чиновников (казахстанская модель) (BBC, 2015; Intellinews, 2021).

Также автократии уязвимы в связи с фактором «личных ошибок» правителей, поскольку в принятии стратегически важных решений принимают крайне узкий круг лиц и групп, что приводит к гораздо более частым ошибкам, чем, скажем, в устойчивых демократиях. Лукашенко, к примеру, игнорировал растущее народное недовольство, связанное с эпидемией COVID-19 (серьезность которой Лукашенко долго отрицал) и социально-экономическими проблемами, подрывающими легитимность «авторитарного общественного договора» (Guriev, 2020; Ilyushina & Picheta, 2020). Попытка повторить привычный трюк с перевыборами в 2020 г. оказалась гораздо более рискованной, и эти риски были проигнорированы престарелым правителем.

Итак, Беларусь была первой европейской диктатурой посткоммунистической поры, положившей начало авторитарному творчеству сначала восточноевропейских, а затем и центрально-европейских элит. В XXI веке Беларусь стала важным звеном в восточноевропейском «авторитарном поясе» наряду с Азербайджаном, Россией и Турцией (Minakov, 2020). В этом «поясе» у Беларуси была своя геополитическая и геоэкономическая ниша: она выигрывала от того, что была основным каналом торговли между Россией, Китаем и ЕС, особенно после российско-украинского конфликта в 2014 г., одновременно удерживая силы НАТО и России на расстоянии друг от друга. Лукашенко успешно балансировал между Западом и Россией, защищая автономию и экономический успех своего режима, сохраняя сильное недемократически консолидированное государство и территориальную целостность страны в регионе, где все остальные страны имеют проблемы с контролем своих международно-признанных территорий⁸.

8 Территориальные проблемы существуют у Азербайджана, Армении, Грузии и Молдовы с 1991 г. и у Украины с 2014 г. Также за последнее тридцатилетие

Беларусское общество заплатило за эту территориальную целостность и относительный социально-экономический успех авторитарным государственным строительством, секьюритизированной политикой, несвободой СМИ, контролируемым образованием, минимальным развитием партийной системы и гражданского общества (Marples, 2013; Wilson, 2016; ВТИ, 2020; HRW, 2021). И такой баланс достижений и потерь определял политическую ситуацию перед президентскими выборами 2020 г. и массовыми протестами в Беларуси.

3. Массовые протестные движения в Беларуси в восточноевропейской сравнительной перспективе

Беларусь имеет собственную историю протестных движений, которая привела к созданию специфической политической культуры, проявившей себя так ярко в Протесте-2020.

Корни белорусской протестной культуры уходят в перестройку. В отсутствие сильных политических партий — как специфически белорусских, так и местных отделений общесоюзных партий — протестные движения носили общегражданский, внепартийный характер. В современных исследованиях протестных движений исследователи различают партийный и общегражданский способы вовлечения граждан в политические движения (Cohen & Arato, 1992; Bohman & Regh, 1997; Mische, 2015). Партийное участие обычно ассоциируется с «инструментализмом и стратегическим манипулированием» интересами граждан и групп населения, в то время как гражданское участие больше направлено на «диалог и неполитизированные формы объединения» (Mische, 2015: 45; см. также: Putnam, 2000: 17 и далее). В начале 1990-х гг. бум малых партий в Беларуси не привел к продуктивному вовлечению граждан в процессы принятия решений по поводу фундаментальных вопросов, стоящих перед новым обществом, что и было использовано Лукашенко в его популистской кампании 1994 г. (Koulinka, 2012: 27). Поэтому первые крупные протесты против зарождающейся автократии в 1997–1998 гг. вернулись к гражданскому способу вовлечения граждан в движения сопротивления времен перестройки. Протесты *Менскай вясны* (1996–1997), к примеру, были направлены на защиту Конституции, а не на программные цели отдельных партий, и проводились они объединенными силами гражданских организаций при участии активистов националистических, коммунистических и демократических партий (Шрайбман, 2016).

у РФ были периоды, когда Москва не контролировала полностью свою территорию.

Эти протесты были жестко подавлены, что дало формирующемуся режиму новый опыт, приведший к пониманию властями, что необходимо осуществлять системный превентивный контроль над СМИ и образовательными учреждениями, а также подавлять гражданскую и политическую оппозицию (Вясна, 1999: 7, 12, 23–30). Режим использовал жесткие репрессивные меры для борьбы с оппозиционными партиями, решившими провести «альтернативные президентские выборы» в 1999 г. Эти меры включали похищения и убийства оппозиционных политиков (Там же). Но одновременно строилась система управления образовательными и научными учреждениями и контроля за гражданскими организациями и частным бизнесом.

Противоречия между дальнейшей консолидацией власти в руках одного человека и новым объединением общегражданских протестных движений вновь достигли пика перед президентскими выборами 2001 г. На этот раз массовые протестные движения были организованы при лидерстве нового класса мелких частных предпринимателей. В этих протестах приняли участие до 200 000 человек, во главе которых стояли сначала экономические, а затем социально-политические требования (Вясна, 2001: 7). Позже протесты были поддержаны профсоюзами рабочих, оппозиционными партиями и белорусской интеллигенцией. И протесты продолжались, спустя много месяцев после окончания президентских выборов, на которых Лукашенко победил в нечестной борьбе. Эти протесты продолжались вплоть до 2003 г. (Вясна, 2002, 2003).

В список дальнейших значимых протестных движений в Беларуси следует также включить:

– *Плошча-2006*, или «джинсовая революция», – своего рода попытка «цветной революции» в Беларуси в 2006 г., была связана с очередной президентской избирательной кампанией (Костенко и др., 2006: 12);

– *Плошча-2010* – протесты против фальсификации президентских выборов 2010 г. (БП, 2016);

– *Молчаливый протест 2011 г.*, возникший на фоне ухудшения социально-экономических условий жизни, был организован с использованием социальных сетей и спровоцирован падением экономики Беларуси. Привыкшие к определенному уровню социально-экономического развития, белорусы не были готовы мириться с падением доходов – нарушением лукашенковского «общественного договора». Эти протесты не были особенно массовыми, но они прошли по всей стране, и их участниками были молодые люди⁹;

9 См. ежемесячные и ежеквартальные отчеты на сайте Spring96.org за 2011 год.

— *Марши нетунеядцев* в 2017 г. вывели десятки тысяч беларусов на улицы в знак протеста против закона о запрете «тунеядства», социально-экономических проблем и очередных несвободных выборов. Эти марши прошли не только в Минске, но и в небольших городах по всей Беларуси в период с февраля по апрель 2017 г.¹⁰

Эта далеко не полная, обращающая внимание лишь на действительно массовые движения ретроспектива показывает, что Протест-2020 был событием скорее закономерным, чем уникальным. В пользу этого вывода говорят четыре фактора. Во-первых, беларусские протестные движения 1996–2017 гг. также были общегражданскими, внепартийными инициативами. В отсутствие сильных массовых партий беларусские протесты организовывались вокруг широкого комплекса интересов и требований, которые объединяли экономические, социальные и политические вопросы: доходы населения, стоимость коммунальных услуг, налогообложение, политическое представительство, честные выборы и гражданские свободы в целом. Это отличает беларусские протесты от других протестных движений в Украине (2004, 2013–2014) и Грузии (2004, 2006), в которых партийные цели сопresentствовали с общегражданскими и социально-экономическими, а иногда были важнее последних. Тем не менее гражданская повестка постсоветских «цветных революций», Евромайдана и беларусских протестов последних 25 лет во многом совпадала, поскольку коренилась в общем «перестроечном» опыте (Минаков, 2012: 60; Gerlach, 2014: 12 и далее).

Во-вторых, беларусские протесты, как правило, распространялись и на столицу, и на периферийные города, и охватывали различные слои населения, объединенные общим делом. Такая широкая распространенность протестов стала привычной практикой в последние десятилетия и была важным элементом Протеста-2020. В то же время в грузинских и украинских протестах столицы — Тбилиси и Киев — играли несколько более важную роль, чем Минск в беларусских протестах.

В-третьих, протестные движения обычно были связаны с перспективой или результатами выборов. В отсутствие других демократических институтов нечестные выборы вызывали сильные гражданские эмоции, подчеркивавшиеся рестриктивным и эксклюзивным характером беларусского режима. Чувство ущемленного гражданского достоинства и гражданского гнева было заметно в беларусских протестах последних 20 лет. Это очень похоже на эмоциональные импульсы, стоявшие за армянскими (2018), грузинскими (2004, 2006), молдавскими (2009, 2015, 2018),

10 См. ежемесячные и ежеквартальные отчеты на сайте Spring96.org за 2017 год.

российскими (2011–2012) и украинскими (2004, 2013–2014) протестными движениями.

И, наконец, в-четвертых, белорусские протесты превратились в неотъемлемую часть политической культуры, которая приводила к тому, что, несмотря на отсутствие политических изменений, протесты неизменно вовлекали десятки и сотни тысяч граждан на довольно долгое время. Протесты 2010 и 2017 гг. продолжались много месяцев. Эта способность противостоять отсутствию положительного ответа на требования протестующих стала важным аспектом Протеста-2020. Это же отличает белорусское протестное движение от армянского, грузинского и украинского, которые были гораздо более прагматичными: последние были, по выражению Чарльза Тилли, настоящими «претендентами» на установление нового политического порядка, были менее готовы к длительным протестам и в нескольких случаях добились смены режима и некоторого временного демократического прогресса (Tilly, 1978: 52; Atanesyan, 2018: 82; Nodia et al., 2018: 8 и далее; графики 1–3).

Таким образом, Протест-2020 был важным, но не уникальным событием в ряду политического феномена давно сформировавшейся политической культуры постсоветского белорусского протеста. И в то же время Протест-2020 оказался уникальным событием в силу того, что стал пиком этого длительного процесса, принимая во внимание (1) приверженность участников именно мирному стоическому протесту, несмотря на его прагматическую бесперспективность и насилие властей, (2) «тактике воды» — отказу от жестко структурированных протестных действий, асимметрично подрывавших успешность противодействия властей, и (3) необычно длительному участию в акциях сопротивления огромной численности протестующих.

Несмотря на все социально-экономические, политические и эпидемические осложнения, белорусское правительство сохранило твердое намерение провести выборы в обычном режиме. На выборах 2020 г., в отличие от предыдущих кампаний, было несколько кандидатов, не принадлежавших к разрешенным оппозиционным группам (которые обычно участвуют в постановочной электоральной борьбе). Блогер Сергей Тихановский, бизнесмен Виктор Бабарико и предприниматель Валерий Цепкало оказались слишком опасными для сценария, подготовленного режимом. В силу этого первые двое были арестованы, а последний был вынужден эмигрировать. Вместо них зарегистрированы пять кандидатов, казавшихся менее опасными; среди них оказалась и Светлана Тихановская. После первого тура выборов (9 августа 2020 г.) Александр Лукашенко был объявлен победителем выборов: он якобы набрал 80,10% голосов (ЦИК, 2020).

Результаты президентских выборов оспаривались внутренними и внешними субъектами. Уже к концу дня голосования 9 августа

многие граждане, сомневающиеся в том, что их голоса будут учтены правительством, начали собираться на центральных площадях крупных городов. Более или менее достоверные опросы показывают, что большинство белорусов — более 70% (Astapenia, 2020) или 65% (Krawatzek, 2021) — считали результаты президентских выборов сфальсифицированными¹¹. Поскольку белорусы, как и другие общества с опытом перестройки, приписывают особую моральную ценность честным выборам, влияющую на политическую легитимность элит (Herzog, 2009: 12ff), то циничное поведение белорусских властей перед выборами и применение ими грубой силы в первые дни после вовлекли огромное число граждан — включая и тех, кто ранее был политически пассивен, — к массовым протестам.

Начавшись вечером 9 августа 2020 г., массовые протесты продолжались до марта 2021 г. По разным данным, к концу 2020 г. в протестах по всей Беларуси приняли участие от 700 000 до 1 миллиона человек (Krawatzek, 2021). Протестующие были готовы к мирной кампании против правительства, длящейся многие месяцы вплоть до года, — и большинство из них не боялись избиения, пыток и тюремного заключения (Thinktanks.by, 2020). Более 70% протестующих впервые участвовали в массовых акциях (Onuch, 2020). По состоянию на декабрь 2020 г. более 30 000 протестующих были арестованы, более 1300 получили ранения, десятки пропали без вести, а тысячи — вынуждены покинуть Беларусь (Там же). Хотя спорадические протесты продолжались до июня 2021 г., после марта лидеры и активисты протестов либо эмигрировали, либо были заключены в тюрьму.

Как и в других постсоветских странах, переживших массовые протесты, в белорусском обществе произошел раскол между сторонниками протестов и сторонниками режима. По одним данным, от 14 до 15% опрошенных заявляли о прямой поддержке или участии в протестах (Krawatzek, 2021), а по другим — уже год после начала протестов — около 37% респондентов все еще поддерживали активный протест, тогда как 65% хотели новых и честных выборов президента (Astapenia, 2021). Кроме того, 42% опрошенных резко критиковали режим, 13% решительно поддерживали Лукашенко, а 17% выражали умеренную поддержку по отношению к нему (Krawatzek, 2021). Белорусский уровень поддержки и участия в протестах напоминает уровни поддержки Евромайдана или армянской бархатной революции 2018 г. (ФДІ, 2015; Atanesyan, 2018).

Еще одна общая черта белорусских и других постсоветских протестных движений связана с ролью современных медиа. Украинскую Оранжевую революцию информационно поддерживали

11 Тут и далее приведенные данные опросов нужно принимать *cum grano salis*: они собирались разными компаниями, с разным доступом к населению Беларуси, зачастую в условиях препятствия официальными институтами для их сбора и в ситуации быстро меняющейся социальной динамики.

оппозиционный сайт «Украинская правда» и ТВ «5 канал». Твиттер сыграл особую роль в молдавских и армянских протестах последнего десятилетия. Как украинские участники Евромайдана, так и активисты антимайдана общались при помощи сетей Facebook и «ВКонтакте». А в 2020 г. содействие протестам в Беларуси оказывал Telegram-канал Nexta. В отсутствие формального руководства протестным движением гражданские акции нуждались в канале общения и обмена информацией.

Еще одна общая черта белорусских и других постсоветских массовых протестов — важность признания оппозиции как легитимной политической силы на Западе, за рубежом (Stewart, 2013: 111 и далее). Лидеры и активисты белорусской оппозиции, избежавшие тюремного заключения, сейчас действуют на основе оппозиционных центров, расположенных либо в Литве, либо в Польше. Правительства США и стран — членов ЕС признают Светлану Тихановскую политическим лидером оппозиции и не признают результаты президентских выборов 2020 г. (Moshes & Nizhnikau, 2021: 177 и далее).

Несмотря на многие общие черты с предыдущими протестами в Беларуси и соседних странах, Протест-2020 обладал четырьмя особенностями. Прежде всего, это отличие проистекает из уже упоминавшейся «тактики воды». Протестующие не собирали силы в одном месте в столице, где они могли бы вступить в схватку с силами безопасности. Вместо этого протесты проходили в разных местах столицы и по всей стране, где это было возможно. Кроме того, у протестного движения не было постоянного руководства: Светлана Тихановская и Мария Колесникова были скорее символическими фигурами, чем политическими акторами, нацеленными на получение власти. Такая тактическая сверхгибкость протестов не позволила милиции своевременно реагировать на акции и обеспечила значительную распространенность протестов в условиях замалчивания или очернения протестного движения в СМИ.

Во-вторых, белорусские протесты оставались мирными в течение очень долгого времени. Лидеры, сочувствующие интеллектуалы и рядовые активисты придерживались практики мирного сопротивления. Роль радикальных групп была минимальной, несмотря на жестокость милиции и массовые аресты. В отличие от армянских, грузинских или украинских протестов, белорусские активисты не захватывали государственные учреждения. Такой подчеркнутый пацифизм не привел к получению власти и изменению политического строя, но обеспечил движению моральное превосходство и постоянное мирное давление на режим.

В-третьих, политические партии в Беларуси играют гораздо менее значимую роль, чем сравнимые группы в других постсоветских государствах. В Армении, Грузии, Молдове и Украине

оппозиционные партии предлагали протестующим решения и инструменты, ведущие к политическому изменению. В Беларуси оппозиционные партии были очень слабы и неэффективны, поэтому их роль в продвижении политической повестки протестов была минимальной. Отчасти в силу этого «вертикаль власти» Лукашенко осталась верна своему патрону, несмотря на репрессивный поворот режима и его снижающуюся легитимность. В Армении, Грузии, Молдове и Украине бюрократия легко предавала правящую группу, понимая, с кем и как договариваться о своем будущем, но в Беларуси 2020 г. такой опции не было. Кроме того, если в постсоветских революционных странах местные силовики были слишком коррумпированы, чтобы эффективно подавлять протесты, то белорусская межведомственная комиссия, координирующая все различные группы силовиков и медийщиков, была достаточно эффективной, сплоченной и лояльной президенту.

Наконец, российский фактор в Беларуси имел иное значение. В Грузии, Молдове и Украине протесты были связаны, среди прочего, с конфликтом между Россией и Западом, а также между пророссийскими и прозападными элитными группами. Однако в случае с Беларусью российские элиты были разделены отношением к Лукашенко: часть из них поддерживала некоторые оппозиционные группы, другие российские партии были более склонны поддерживать существующий режим (Global Risks Insights, 2020). Значительная часть протестующих — по крайней мере, первоначально — была ориентирована на Россию, выступая при этом против Лукашенко (Deutsche Welle, 2020). Однако к концу августа российское правительство решило поддержать Лукашенко и стало предоставлять свои СМИ и советников белорусскому правительству, а также начало оказывать финансовую поддержку режиму (Wilson, 2021: 359–374).

Таким образом, Протест-2020 не смог добиться ни смены режима, ни более амбициозных революционных целей, воодушевлявших активистов Евромайдана или ереванской бархатной революции. Результатом Протеста-2020 стала потеря режимом Лукашенко своей патриархальной легитимности и переход к репрессивной модели. В 2021 г. возглавляемый Лукашенко «конституционный процесс» и постоянные переговоры с Кремлем о «более тесном союзе» сигнализировали о прекращении предыдущего «общественного договора». Кроме того, Протест-2020 создал огромную группу граждан, имеющих непосредственный опыт участия в массовых протестах и несправедливого наказания, а также понимающих «неспособность властей решить такие проблемы, как стагнация зарплат и пенсий, безработица и трудовая миграция» (Douglas, 2020). С августа 2020 г. Александр Лукашенко может править только силой, при очень низком уровне доверия к себе и легитимности его нового политического режима.

4. Уроки Протеста-2020 и других постсоветских протестных движений для глобального гражданского общества

В предыдущих двух частях этой статьи я рассмотрел эмпирические аспекты развития белорусской политической культуры и системы, а также сравнительные характеристики постсоветских протестных культур. В этом разделе я дам социально-философский ответ на вопрос о том, какие уроки Протест-2020 и другие массовые протестные движения постсоветских народов несут для глобального гражданского общества?

1. Практическое подтверждение ценности политической свободы и гражданственности. Гипотеза о том, что мы живем в период «третьей волны автократии», получает все больше эмпирического подтверждения (Hellmeier et al., 2020; Skaaning, 2020; Boese et al., 2021). Политические практики, ценности и институты, созданные после Второй мировой войны и во время «соревнования капиталистической и социалистической систем», привели к окончательному падению колониальной системы, распространению демократических политических систем и режимов, а также частичному проигрышу «социалистической системы», что стимулировало глобальную «третью волну демократизации» в 1975–2008 гг. (Wallerstein, 2010: 17 и далее; Huntington, 2012)¹². Распространение демократической политики в разных странах и культурных регионах нашло свое проявление в специфическом политическом творчестве, которое предполагает желанными нормами контроль граждан за правительством и элитами, верховенство права, свободу самовыражения во всех сферах жизни — от политики до интимности, сменяемость правителей при помощи выборов и постоянное участие граждан в принятии коллективно-важных решений (Inglehart & Welzel, 2010: 553; Brunkert et al., 2018: 3 и далее). Но третья волна демократизации «угасла», институты и практики демократии, созданные послевоенными поколениями, все менее эффективны, а новые автократии все более «умны», продуктивны и влиятельны (Brunkert et al., 2018: 4 и далее; Skaaning, 2020: 1539; Boese et al., 2021: 4 и далее; Merkel & Lührmann, 2021: 870). Политическое творчество автократических институтов и практики использования некогда демократических процедур в интересах автократов привели к заметному росту количества неэффективных демократий и электоральных и малоэффективных автократий,

12 Китайский, кубинский, северокорейский и вьетнамский «социализмы» живы и продолжили свое развитие и после падения СССР и «Восточного блока». Евроцентричная оптика игнорировала этот факт, считая, что Холодная война завершила «соревнование систем». Однако события последних лет показывают, что «соревнование» снова определяет геополитическое противостояние.

некоторому росту полноценных и эффективных автократий, а также уменьшению количества полноценных демократий в последние 10–12 лет.

Однако «третья волна автократии» — не приговор. Так, в восточноевропейском регионе за последние 10 лет Армения и Грузия улучшили ситуацию с политическими свободами (Hellmeier et al., 2020: 1055 и далее; V-Dem). И протестные гражданские движения, и государственное строительство в этих странах продолжили инерцию демократизации. Гражданское протестное движение в Украине, вылившееся в Евромайдан (2013–2014) и смену правящей группы (2014), хотя и несильно повлияло на либерально-демократическое качество политического режима (см. графики 1–3), но вернуло в социально-политическую повестку дня украинского общества и соседних обществ в Восточной и Западной Европе ценности политической свободы, контроля за поведением элит и общеевропейской солидарности (Минаков, 2019: 133 и далее). Фактически и до Протеста-2020 в последнюю декаду восточно-европейские общества демонстрировали ценность для них демократической «повестки 1991 года».

Беларусский Протест-2020 показал, что «повестка 1991 года» с ее ценностью политической и экономической свободы, национального государства и европеизации может воодушевлять широкие массы населения и выводить их на протесты вопреки действиям авторитарного режима и рискам для личной безопасности. Да, выделить универсальную идею Протеста-2020, которая бы удовлетворяла требованиям философской рефлексии начала 1990-х гг., нет возможности. Но как практика сопротивления автократизации массовым долгим мирным протестным движением Протест-2020 дает урок гражданственности не только постсоветским народам, эта практика имеет всемирно-гражданское значение и в кантовском, и в современном смысле.

Такое значение привело к тому, что с протестующими проявили свою солидарность европейцы и Запада, и Востока. Эта солидарность в данный момент проходит проверку белорусскими эмигрантами — интеллектуалами, студентами и предпринимателями, уезжающими в Германию, Литву, Польшу и Украину. Однако прекращение заигрывания правительств Запада с белорусским режимом и непризнание легитимности Лукашенко — шаг в направлении реализации этой солидарности.

2. Необходимость взаимной поддержки общегражданской и партийной вовлеченности в политическое действие. Для протестных движений последнего десятилетия характерно недоверие гражданских активистов к партиям. Это проявилось в первые дни Евромайдана, когда протестующие находились в двух разных лагерях — на площади Независимости и Европейской площади. Это же подчеркивали активисты Протеста-2020 на протяжении

активной фазы протестов в августе – ноябре 2020 г. (Onuch, 2020; Krawatzek, 2021).

Действительно, существует большое количество эмпирических исследований, указывающих, что акторы массовых протестов в разных странах ценят общегражданское вовлечение в движение и противятся партийному. Так же и партийные лидеры с недоверием относятся к «общественным аматорам», неспособным к эффективной борьбе за власть. Опыт протестных движений последнего десятилетия в постсоветских обществах показывает, что *взаимное доверие общегражданских групп и партийный организации является залогом успешности протестного движения.*

Прагматика протеста предполагает взаимную необходимость общегражданских групп и партийных организаций. Первые отстаивают такую программу, которая заботится непосредственно о «наивысшем из общих благ» и предполагает переобоснование политической системы. Постсоветская Беларусь политически развивалась как эффективная автократия, и сменой правящей партии ее качество не изменить. Однако партии являются институциями, способными транслировать запрос на изменение в политическом действии. Там, где общегражданская программа и партийные организации взаимодействовали, протестное движение привело к смене правящей группы, например в Украине в 2014 г. и в Армении в 2018 г.

Однако урок взаимности предполагает не только доверие граждан к партиям, но и ответственность партий, победивших в результате протестов, перед гражданами. В 2014 г. немало гражданских организаций продолжали свою активность уже после смены правительства, отстаивая «евромайданную программу». Несмотря на это, партии-победительницы не поменяли реальную политэкономическую систему Украины, ограничившись частичным изменением режима. В Армении партийные лидеры и организации оказались более ответственными в этом плане, и действительно их действия в 2018–2021 гг. изменили политэкономии республики. В силу этого, несмотря на военное поражение, Никол Пашинян и блок партий вокруг него победил на парламентских выборах 2021 г.

Взаимность общегражданских целей и задач политических партий является предпосылкой успешности выполнения программ протестных движений. Без этой взаимности, даже если протесты и меняют правящую группу, протестное движение не может считаться успешным.

3. Высокая цена за успех протеста для республики. Успешным массовый гражданский протест можно назвать, если он приводит к смене правящей группы и выполнению значительной части общегражданской программы движения. Однако успех протестов достигается путем, который, за редким исключением, нарушает

политический порядок и подвергает политическую систему риску распада или значительного ослабления. Одним из последствий победы Евромайдана стали временное ослабление правительства и неэффективность армии и спецслужб, что, в свою очередь, открыло возможности для правительства Российской Федерации аннексировать Крым, а для сепаратистски и ирридентистски настроенных групп в юго-восточных областях Украины попытаться отложиться и/или присоединиться к России. И хотя из семи областей, где были совершены такие попытки, лишь в двух регионах они были отчасти успешными, территориальная составляющая украинского суверенитета понесла серьезнейший урон.

Другой пример ослабления государства в связи с успешным протестом — Армения. В результате победы «бархатной революции» «карабахский клан», в который входили военные командиры и руководители спецслужб, оказался политически, экономически и административно маргинализирован. Это ослабило Армению в целом и было одним из факторов поражения во Второй карабахской войне (2020).

Следует признать, что, хотя общегражданская программа протестов стратегически и в долгой перспективе дает политической системе республики новую жизнь, *в краткой перспективе победа протестного движения наносит серьезный удар по суверенитету государства в целом.*

В случае с Протестом-2020 политический режим устоял, а правящая группа сохранила свое влияние. Отказ от радикальной протестной программы¹³ активистами Протеста-2020 одновременно привел к высокому моральному влиянию — внутри Беларуси и далеко за ее пределами — движения, к тому, что правящая группа смогла относительно легко подавить движение, и к тому, что в средне- и долгосрочной перспективе политический режим был предельно делегитимирован.

Важным уроком постсоветских протестных движений стало понимание непростого выбора, стоящего перед гражданами, чьи права системно нарушают правящие элиты. Борьба за права имеет свои мотивы и ограничения, одно из которых — сохранить свое политическое сообщество, не поступаясь ценностями свободы, равенства и гражданской солидарности.

По моему мнению, эти три урока — ценности свободы в любых исторических условиях, взаимозависимости гражданского и политического обществ, а также цены успеха протестов — являются важным взносом постсоветских народов в современное понимание соотношения политики, гражданственности и свободы.

13 В СМИ появляется все больше информации, что радикальные группы из Украины предлагали поддержку белорусским радикалам (см., например: Лукашова, 2021). Однако радикалы не получили поддержки у самих активистов Протеста-2020.

5. Выводы

Выше я привел аргументы в пользу ответов на ключевые вопросы этой статьи. Теперь же я лишь суммирую эти ответы.

Итак, среди факторов, которые работали против успеха Протеста-2020 и его демократической программы, а также в пользу дальнейшей автократизации режима Лукашенко, можно назвать следующее.

Во-первых, протестное движение, несмотря на массовую мобилизацию, сравнимую с успешными революционными движениями в Армении (2018), Грузии (2004) и Украине (2004, 2013–2014), не имело твердой политической структуры, способной воплотить его требования в политические изменения. Однако продолжительность и массовость протестов показывает, что в Беларуси существует значительный потенциал для будущих политических изменений в направлении демократизации и интеграции с демократической частью Европы.

Во-вторых, Александру Лукашенко удалось сохранить контроль над страной ценой потери легитимности своего режима, большей зависимости от внешнеполитических факторов и разрыва мягкого авторитарного общественного договора, столь долго служившего целям неизменного правителя. Властная вертикаль осталась верна Лукашенко. Беларусские службы безопасности продемонстрировали высокий уровень эффективности в своей способности защищать правящую группу путем чрезмерного применения силы и системных незаконных репрессий. Беларусь теперь разделена изнутри; она подвергается санкциям и изоляции со стороны стран — членов ЕС и Украины и гораздо больше зависит от поддержки России. Ее экономическая модель «моста между Западом и Россией» теперь несостоятельна и не может служить основой для стабильности политического режима.

В-третьих, Протест-2020, как и другие постсоветские массовые протестные движения последнего десятилетия, проходит в условиях усиления автократических режимов. Паттерны поведения элит и граждан не способствуют массовому участию в нелегальных акциях. Однако массовость и длительность Протеста-2020 указывает на то, что паттерны третьей волны автократизации (пока еще) не сильны и их влияние обратимо. Транснациональные «волны» могут влиять на национальные движения, но не могут быть ведущими факторами политического творчества живущих сегодня поколений.

И наконец, важно отметить, что постсоветские общества занимают важное место в современном глобальном гражданском обществе. Наши практики отстаивания и утверждения политической свободы и гражданского достоинства в самых неблагоприятных условиях доказывают приверженность восточных европейцев

свободной самореализации в политике и других сферах деятельности. Те три урока, которые я вывел выше из практик постсоветских протестных движений, заслуживают рассмотрения и принятия ко вниманию транснациональных гражданских сетей.

Общества Запада, так долго претендовавшие на роль местоблюстителя ценности политической свободы и гражданственности под влиянием неоднозначных процессов в самом теле западных обществ, сопряженных с цифровым неравенством и невиданной по своей эффективности цензурой, с военными операциями, которые «во имя свободы» уничтожили секулярные современные общества в Ираке и Афганистане, с ксенофобией и строительством новых стен, утратили право на эту претензию. В то же время даже в самых безнадежно несвободных обществах европейского Востока закрепились практики, подтверждающие преданность значительных социальных групп ценностям политической свободы и гражданственности.

Если первый вывод можно расценивать как универсальную позитивную максиму, то два других урока имеют ограничительное всемирно-гражданское значение. Опыт белорусов и других постсоветских народов учит тому, что разрыв между гражданским и политическим действием должен быть преодолен. Тот же опыт говорит, что массовые движения за политическую свободу в случае принятия радикальной программы рискуют утратить само политическое сообщество, ради блага которого движение действует. Эти два ограничения — свидетельство о парадоксальной природе политического, где свобода и существование политического сообщества в случае радикального политического действия могут подрывать возможности друг друга.

Литература

- БП. (2016) Последний всплеск большого протеста. Площади-2010 — шесть лет. *Беларуская прада* (БП). Доступ: <https://belprauda.com/poslednij-vsplesk-bolshogo-protesta-ploshhadi-2010-shest-let/> [Доступ 23 сентября 2021].
- Вясна. (1999) Агляд-хроніка парушэнняў правоў чалавека ў Беларусі ў 1999 годзе. *Вясна* 24. Доступ: http://spring96.org/files/reviews/be/1999_review_by.pdf [Доступ 23 сентября 2021].
- Вясна. (2001) Агляд-хроніка парушэнняў правоў чалавека ў Беларусі ў 2001 годзе. *Вясна* 24. Доступ: http://spring96.org/files/reviews/be/2001_review_by.pdf [Доступ 23 сентября 2021].
- Вясна. (2002) Агляд-хроніка парушэнняў правоў чалавека ў Беларусі ў 2002 годзе. *Вясна* 24. Доступ: http://spring96.org/files/reviews/be/2002_review_by.pdf [Доступ 23 сентября 2021].
- Вясна. (2003) Обзор-хроника нарушений прав человека в 2003 году. *Вясна* 26. Доступ: http://spring96.org/files/reviews/ru/2003_review_ru.pdf [Доступ 23 сентября 2021].

- Костенко, А., Кашко, А., Михайловская, Е. (2006) Партизанская республика. Акции протеста в Минске 19–25 марта 2006 года. Москва: Панорама.
- Лукашова, С. (2021) Между партизанами и спецслужбами. Как связаны между собой «дело Семенченко», белорусские революционеры и украинская разведка. *Украинская правда*, 28 сентября. Доступ: <https://www.pravda.com.ua/rus/articles/2021/09/28/7308605/> [Доступ 23 сентября 2021].
- Минаков, М. (2012) «Цветные революции» в постсоветском мире. *Общая тетрадь* 2–3: 59–68.
- Минаков, М. (2019) Выбор 1991 года: как украинцы оценивают выбор в пользу национального государства, демократии и капитализма. *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры* 1–2: 123–139.
- ФДІ. (2015) Річниця Майдану — опитування громадської та експертної думки. Фонд демократичні ініціативи (ФДІ). Доступ: <https://bit.ly/3oc1tNM> [Доступ 23 сентября 2021].
- ЦИК. (1994) Сведения об итогах Президента Республики Беларусь 1 тур — 23.06.1994. Центральный избирком Беларуси (ЦИК). Доступ: <https://bit.ly/2Y3vUDR> [Доступ 23 сентября 2021].
- ЦИК. (2020) Сведения о результатах голосования 9 августа 2020 года. Центральный избирком Беларуси (ЦИК). Доступ: https://rec.gov.by/files/2020/gol_itog.pdf [Доступ 23 сентября 2021].
- Шрайбман, А. «Минской весне» — 20 лет. *Заўтра.by*. Доступ: <https://zautra.by/news/news-20964> [Доступ 23 сентября 2021].
- Abrahamian, L., & Shagoyan, G. (2018) Velvet revolution, Armenian style. *Demokratizatsiya* 26(4): 509–529.
- Aslund, A. (2007) *How capitalism was built: the transformation of Central and Eastern Europe, Russia, the Caucasus, and Central Asia*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Astapenia, R. (2020) What Belarusians Think About Their Country's Crisis. *Chatham House publications*. Available at: <https://bit.ly/3o8NmBp> [Accessed 23 September 2021].
- Astapenia, R. (2021) Belarusians live in an increasingly divided country. *Chatham House publications*. Available at: <https://bit.ly/3DiMjUp> [Accessed 15 November 2021].
- Atanesyan, A. (2018) “Velvet Revolution” in Armenia: Potential, Gains and Risks of Political Protest Activity. *Polis* 6: 80–98.
- BBC. (2001) News Profile: Europe's Last Dictator? Available at: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/116265.stm> [Accessed 23 September 2021].
- BBC. (2015) News: Why does Belarus President Lukashenko take son Kolya to work? Available at: <https://www.bbc.com/news/world-europe-34411326> [Accessed 23 September 2021].
- Benedek, W. (2020) *OSCE Rapporteur's Report under the Moscow Mechanism on Alleged Human Rights Violations related to the Presidential Elections of 9 August 2020 in Belarus*. Available at: <https://www.osce.org/files/f/documents/2/b/469539.pdf> [Accessed 23 September 2021].
- Bertelsmann. (2020) *Country Report — Belarus*. Gütersloh: Bertelsmann Stiftung.
- Boese, V., Lindberg, S., Lührmann, A. (2021) Waves of autocratization and democratization: a rejoinder. *Democratization* 47, DOI: 10.1080/13510347.2021.1923006.

- Bogaards, M. (2009) How to classify hybrid regimes? *Democratization* 16 (2): 399–423.
- Bohman, J., Rehg, W. (1997) *Deliberative democracy*. MIT Press, Cambridge.
- Brunkert, L., Kruse, S., Welzel, C. (2019) A tale of culture-bound regime evolution, “Democratization” 26(3): 422–443.
- Cohen, J., Arato, A. (1992) *Civil society and political theory*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Coppedge, M., Gerring, J., Knutsen, K., Lindberg, S., Teorell, J., Altman, D., Bernhard, M., Cornell, A., Fish, S., Gastaldi, L., Gjerløw, H., and Ziblatt, D. (2021) V-Dem Codebook v11.1. *Varieties of Democracy (V-Dem) Project*.
- Der Matossian, B. (2020) *Shattered Dreams of Revolution*. Palo Alto: Stanford University Press.
- Deutsche Welle. (2020) Социолог: Беларуси негативно оценили поддержку Лукашенко Кремлем. *Deutsche Welle*. Доступ: <https://bit.ly/3EXmP04> [Доступ 23 сентября 2021].
- Douglas, N. (2020) Belarus: From the Old Social Contract to a New Social Identity. ZOiS REPORT. Available at: <https://bit.ly/3ocxX3i> [Accessed 23 September 2021].
- Etkind, A., Minakov, M. (2020) Post-Soviet Ideological Creativity. In *Ideology after Union*. Edited by Alexander Etkind, Mikhail Minakov. Stuttgart: Ibidem, pp. 9–18.
- European Parliament. (2020) European Parliament on Belarus: The Last European Dictatorship. *European Parliament*. Available at: <https://bit.ly/39N-2Lil> [Accessed 23 September 2021].
- Feldman, D. L., & Alibašić, H. (2019) The remarkable 2018 “Velvet Revolution”: Armenia’s experiment against government corruption. *Public Integrity* 21(4): 420–432.
- Fisun, O. (2012) Rethinking post-Soviet politics from a neopatrimonial perspective. *Demokratizatsiya* 20(2): 87–96.
- Francis. (2021) *Fratelli tutti. On fraternity and social friendship*. The Holy See, 1 March. Доступ: <https://bit.ly/3A0wTS7> [Доступ 23 сентября 2021].
- Gerlach, J. (2014) *Color revolutions in Eurasia*. Berlin: Springer International Publishing.
- Global Risks Insights. (2020) Belarusian Protests: Russia’s Reluctance. *Global Risks Insights*. Available at: <https://globalrisksinsights.com/2020/09/belarusian-protests-russias-reluctance/> [Accessed 23 September 2021].
- Guriev, S. (2020) The political economy of the Belarusian crisis. *Intereconomics* 55(5): 274–275.
- Hale, H. (2014) *Patronal Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hellmeier, S., Cole, R., Grahn, S., Kolvani, P., Lachapelle, J., Lührmann, A., Maerz, S., Pillai, S., & Lindberg S. (2021) State of the world 2020: autocratization turns viral. *Democratization* 28(6): 1053–1074.
- Herron, E. (2009) Understanding Elections and Democracy in Post-Soviet Space. In *Elections and Democracy after Communism?* New York: Palgrave Macmillan, pp. 1–17.
- Hösle, V. (1992) The third world as a philosophical problem. *Social research* 22(2): 227–262.
- HRW. (2021) *Belarus: Human Rights Watch Report – 2021 (HRW)*. Available at: <https://www.hrw.org/world-report/2021/country-chapters/belarus> [Accessed 23 September 2021].

- Huntington, S. P. (2012) *The third wave: Democratization in the late 20th century*. Norman: University of Oklahoma Press.
- Ilyushina, M., Picheta, R. (2020) CNN Report: Belarus President dismissed Covid-19 as 'psychosis.' Now he says he caught it. Available at: <https://cnn.it/39VGxLv> [Accessed 23 September 2021].
- Inglehart, R., & Welzel, C. (2010) Changing mass priorities: The link between modernization and democracy. *Perspectives on politics* 8(2): 551–567.
- Intellinews. (2021) Belarus President Alexander Lukashenko names possible successors. *Intellinews*, 2021. Available at: <https://bit.ly/3udoBoK> [Accessed 23 September 2021].
- Kaldor, M. (2013) *Global civil society: An answer to war*. New York: John Wiley & Sons.
- Kant, I. (2019) *Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht. Vollständige Neuauflage*. Göttingen: LIWI Literatur- und Wissenschaftsverlag.
- Karatnycky, A., Piano, A., Puddington, A. (2003) Freedom in the World – 2003. *Freedom in the World*. Available at: <https://bit.ly/3idwZjs> [Accessed 23 September 2021].
- Koulinka, N. (2012) Belarus and Its Flight From Democracy. *Ideology and Politics Journal* 1: 21–38.
- Krawatzek, F. (2021) How united is Belarus against the regime? *ZoIS Publications*. Available at: <https://en.zois-berlin.de/publications/how-united-is-belarus-against-the-regime> [Accessed 23 September 2021].
- Levitsky, S., Way, L.A. (2010) *Competitive authoritarianism*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Marples, D. (2013) *Belarus: a denationalized nation*. London: Routledge.
- Marples, D. R., & Mills, F. V. (Eds.). (2014) *Ukraine's Euromaidan: Analyses of a Civil Revolution*. New York: Columbia University Press.
- Merkel, W., & Lührmann, A. (2021). Resilience of democracies: responses to illiberal and authoritarian challenges. *Democratization* 28(5): 869–884
- Minakov, M. (2016) A Decisive Turn? Risks for Ukrainian Democracy After the Euromaidan. Carnegie Endowment for International Peace. Available at: <https://bit.ly/3kHBEM8> [Accessed 23 September 2021].
- Minakov, M. (2017) Big Europe's Gap: Dynamic Obstacles for integration between EU and EAU. In *The Eurasian Economic Union and the European Union: Moving Toward a Greater Understanding*. Edited by Angela Di Gregorio, Angela Angeli. The Hague: Eleven International Publishing, pp. 45–56.
- Minakov, M. (2018) *Development and dystopia. Studies in post-Soviet Ukraine and Eastern Europe*. Stuttgart: ibidem.
- Minakov, M. (2019) Post-soviet Eastern Europe. Achievements in post-Soviet development in six Eastern European nations. *Ideology and Politics Journal* 14(3): 171–193.
- Minakov, M. (2020) Eastern Europe's Authoritarian Belt in Crisis. *Focus Ukraine*. Available at: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/eastern-europes-authoritarian-belt-crisis> [Accessed 23 September 2021].
- Minakov, M., Kasianov, G., & Rojansky, M. (2021) *From "The Ukraine" to Ukraine. A Contemporary History, 1991–2021*. Stuttgart: ibidem.
- Mische, M. (2015) Tensions between partisan and civic modes of engagement. In: *Social Movement Dynamics*. Edited by Frederic Rossi, Mark von Buelow. New York: Routledge, pp. 43–72.

- Moshes, A., Nizhnikau, R. The Belarusian Revolution: Sources, Interim Outcomes, and Lessons To Be Learned. *Demokratizatsiya* 29(2): 159–181.
- Mouffe, C. (2013) *Agonistics: Thinking the world politically*. New York: Verso Books.
- Nodia, G., Cenusa, D., Minakov, M. (2018) Towards becoming European-style democracies. In: *The Struggle for Good Governance in Eastern Europe*. Ed. by Michael Emerson. London: Rowman and Littlefield Publishers, pp. 9–55.
- Onuch, O. (2020) *Belarus rises: four months and counting*. ZOIS Publishing. Available at: <https://en.zois-berlin.de/publications/belarus-rises-four-months-and-counting> [Accessed 23 September 2021].
- Putnam, R. (2000) *Bowling alone: the collapse and revival of American community*. New York: Simon and Shuster.
- Skaaning, S.E. (2020) Waves of Autocratization and Democratization. *Democratization* 27(8): 1533–1542.
- Shparaga, O. (2021) *Die Revolution hat ein weibliches Gesicht. Der Fall Belarus*. Berlin: Suhrkamp.
- Stewart, S. (2013) *Democracy promotion before and after the ‘colour revolutions’*. London: Routledge.
- Thinktanks.by. (2020) Опрос: около 80% участников протестов в Беларуси готовы протестовать многие месяцы — вплоть до года. *Thinktanks.by*. Доступ: <https://bit.ly/3kltdQt> [Доступ 23 сентября 2021].
- Tilly, C. (1978) *From mobilization to revolution*. Reading: Addison-Wesley.
- V-Dem. (2021) Varieties of Democracy variable graph database — version 11. Доступ: <https://www.v-dem.net/en/analysis/VariableGraph/> [Доступ 23 сентября 2021].
- Wallerstein, I. (2010) *After liberalism*. New York: ReadHowYouWant.com.
- Wilson, A. (2016) Belarus: from a Social Contract to a Security Contract. *Journal of Belarusian Studies* 8(1): 78–91.
- Wilson, A. (2021) *The Last European Dictatorship*. New Haven: Yale University Press (ebook version).
- Zhuravlev, O., & Ishchenko, V. (2020). Exclusiveness of civic nationalism: Euro-aidan eventful nationalism in Ukraine. *Post-Soviet Affairs* 36(3): 226–245.

References

- Abrahamian, L., & Shagoyan, G. (2018) Velvet revolution, Armenian style. *Demokratizatsiya* 26(4): 509–529.
- Aslund, A. (2007) *How capitalism was built: the transformation of Central and Eastern Europe, Russia, the Caucasus, and Central Asia*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Astapenia, R. (2020) What Belarusians Think About Their Country’s Crisis. *Chatham House publications*. Available at: <https://bit.ly/3o8NmBp> [Accessed 23 September 2021].
- Astapenia, R. (2021) Belarusians live in an increasingly divided country. *Chatham House publications*. Available at: <https://bit.ly/3DiMjUp> [Accessed 15 November 2021].
- Atanesyan, A. (2018) “Velvet Revolution” in Armenia: Potential, Gains and Risks of Political Protest Activity. *Polis* 6: 80–98.
- BBC. (2001) News Profile: Europe’s Last Dictator? Available at: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/116265.stm> [Accessed 23 September 2021].

- BBC. (2015) News: Why does Belarus President Lukashenko take son Kolya to work? Available at: <https://www.bbc.com/news/world-europe-34411326> [Accessed 23 September 2021].
- Benedek, W. (2020) *OSCE Rapporteur's Report under the Moscow Mechanism on Alleged Human Rights Violations related to the Presidential Elections of 9 August 2020 in Belarus*. Available at: <https://www.osce.org/files/f/documents/2/b/469539.pdf> [Accessed 23 September 2021].
- Bertelsmann. (2020) *Country Report – Belarus*. Gütersloh: Bertelsmann Stiftung.
- Boese, V., Lindberg, S., Lührmann, A. (2021) Waves of autocratization and democratization: a rejoinder. *Democratization* 47, DOI: 10.1080/13510347.2021.1923006.
- Bogaards, M. (2009) How to classify hybrid regimes? *Democratization* 16 (2): 399–423.
- Bohman, J., Rehg, W. (1997) *Deliberative democracy*. MIT Press, Cambridge.
- BP. (2016) Poslednii vsplesk bol'shogo protesta. Ploshchadi-2010 – shest' let. Belaruskaia prauda (BP). Available at: <https://belprauda.com/poslednij-vsplesk-bolshogo-protesta-ploshchadi-2010-shest-let/> [Accessed 23 September 2021].
- Brunkert, L., Kruse, S., Welzel, C. (2019) A tale of culture-bound regime evolution, “Democratization” 26(3): 422–443.
- Cohen, J., Arato, A. (1992) *Civil society and political theory*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Coppedge, M., Gerring, J., Knutsen, K., Lindberg, S., Teorell, J., Altman, D., Bernhard, M., Cornell, A., Fish, S., Gastaldi, L., Gjerløw, H., and Ziblatt, D. (2021) V-Dem Codebook v11.1. *Varieties of Democracy (V-Dem) Project*.
- Der Matossian, B. (2020) *Shattered Dreams of Revolution*. Palo Alto: Stanford University Press.
- Deutsche Welle. (2020) Sotsiolog: Belarusy negativno otsenili podderzhku Lukashenko Kremlem. Deutsche Welle. Available at: <https://bit.ly/3EXmP04> [Accessed 23 September 2021].
- Douglas, N. (2020) Belarus: From the Old Social Contract to a New Social Identity. ZOiS REPORT. Available at: <https://bit.ly/3ocxX3i> [Accessed 23 September 2021].
- Etkind, A., Minakov, M. (2020) Post-Soviet Ideological Creativity. In *Ideology after Union*. Edited by Alexander Etkind, Mikhail Minakov. Stuttgart: Ibidem, pp. 9–18.
- European Parliament. (2020) European Parliament on Belarus: The Last European Dictatorship. *European Parliament*. Available at: <https://bit.ly/39N2Lil> [Accessed 23 September 2021].
- FDI. (2015) Richnitsia Maidanu – opituvannia gromads'koi ta ekspertnoi dumki. Fond demokratichni initsiatiivi (FDI). Available at: <https://bit.ly/3ocI-tHM> [Accessed 23 September 2021].
- Feldman, D. L., & Alibašić, H. (2019) The remarkable 2018 “Velvet Revolution”: Armenia's experiment against government corruption. *Public Integrity* 21(4): 420–432.
- Fisun, O. (2012) Rethinking post-Soviet politics from a neopatrimonial perspective. *Demokratizatsiya* 20(2): 87–96.
- Francis. (2021) *Fratelli tutti. On fraternity and social friendship*. The Holy See, 1 March. Доступ: <https://bit.ly/3A0wTS7> [Доступ 23 сентября 2021].

- Gerlach, J. (2014) *Color revolutions in Eurasia*. Berlin: Springer International Publishing.
- Global Risks Insights. (2020) Belarusian Protests: Russia's Reluctance. *Global Risks Insights*. Available at: <https://globalrisksinsights.com/2020/09/belarusian-protests-russias-reluctance/> [Accessed 23 September 2021].
- Guriev, S. (2020) The political economy of the Belarusian crisis. *Intereconomics* 55(5): 274–275.
- Hale, H. (2014) *Patronal Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hellmeier, S., Cole, R., Grahn, S., Kolvani, P., Lachapelle, J., Lührmann, A., Mazer, S., Pillai, S., & Lindberg S. (2021) State of the world 2020: autocratization turns viral. *Democratization* 28(6): 1053–1074.
- Herron, E. (2009) Understanding Elections and Democracy in Post-Soviet Space. In *Elections and Democracy after Communism?* New York: Palgrave Macmillan, pp. 1–17.
- Hösle, V. (1992) The third world as a philosophical problem. *Social research* 22(2): 227–262.
- HRW. (2021) *Belarus: Human Rights Watch Report – 2021* (HRW). Available at: <https://www.hrw.org/world-report/2021/country-chapters/belarus> [Accessed 23 September 2021].
- Huntington, S. P. (2012) *The third wave: Democratization in the late 20th century*. Norman: University of Oklahoma Press.
- Ilyushina, M., Picheta, R. (2020) CNN Report: Belarus President dismissed Covid-19 as ‘psychosis.’ Now he says he caught it. Available at: <https://cnn.it/39VGxLv> [Accessed 23 September 2021].
- Inglehart, R., & Welzel, C. (2010) Changing mass priorities: The link between modernization and democracy. *Perspectives on politics* 8(2): 551–567.
- Intellinews. (2021) Belarus President Alexander Lukashenko names possible successors. *Intellinews*, 2021. Available at: <https://bit.ly/3udoBoK> [Accessed 23 September 2021].
- Kaldor, M. (2013) *Global civil society: An answer to war*. New York: John Wiley & Sons.
- Kant, I. (2019) *Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht. Vollständige Neuauflage*. Göttingen: LIWI Literatur- und Wissenschaftsverlag.
- Karatnycky, A., Piano, A., Puddington, A. (2003) Freedom in the World – 2003. *Freedom in the World*. Available at: <https://bit.ly/3idwZjs> [Accessed 23 September 2021].
- Kostenko, A., Kashko, A., Mikhailovskaya, E. (2006) Partizanskaya respublika. Aktsii protesta v Minske 19–25 marta 2006 goda. Moskva: Panorama.
- Koulinka, N. (2012) Belarus and Its Flight From Democracy. *Ideology and Politics Journal* 1: 21–38.
- Krawatzek, F. (2021) How united is Belarus against the regime? ZOIS Publications. Available at: <https://en.zois-berlin.de/publications/how-united-is-belarus-against-the-regime> [Accessed 23 September 2021].
- Levitsky, S., Way, L.A. (2010) *Competitive authoritarianism*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lukashova, S. (2021) Mezhdru partizanami i spetssluzhbnami. Kak sviazany mezhdru soboi “delo Semenchenko”, belorusskie revoliutsionery i ukrainskaia razvedka. *Ukrainskaia pravda*, 28 sentiabria. Available at: <https://www.pravda.com.ua/rus/articles/2021/09/28/7308605/> [Accessed 23 September 2021].

- Marples, D. (2013) *Belarus: a denationalized nation*. London: Routledge.
- Marples, D. R., & Mills, F. V. (Eds.). (2014) *Ukraine's Euromaidan: Analyses of a Civil Revolution*. New York: Columbia University Press.
- Merkel, W., & Lührmann, A. (2021). Resilience of democracies: responses to illiberal and authoritarian challenges. *Democratization* 28(5): 869–884
- Minakov, M. (2012) "Tsvetnye revoliutsii" v postsovet'skom mire. *Obshchaia tetrad* 2–3: 59–68.
- Minakov, M. (2016) *A Decisive Turn? Risks for Ukrainian Democracy After the Euromaidan*. Carnegie Endowment for International Peace. Available at: <https://bit.ly/3kHBEM8> [Accessed 23 September 2021].
- Minakov, M. (2017) Big Europe's Gap: Dynamic Obstacles for integration between EU and EAU. In *The Eurasian Economic Union and the European Union: Moving Toward a Greater Understanding*. Edited by Angela Di Gregorio, Angela Angeli. The Hague: Eleven International Publishing, pp. 45–56.
- Minakov, M. (2018) *Development and dystopia. Studies in post-Soviet Ukraine and Eastern Europe*. Stuttgart: ibidem.
- Minakov, M. (2019) Post-soviet Eastern Europe. Achievements in post-Soviet development in six Eastern European nations. *Ideology and Politics Journal* 14(3): 171–193.
- Minakov, M. (2019) Vybor 1991 goda: kak ukraintsy otsenivaiut vybor v pol'zu natsional'nogo gosudarstva, demokratii i kapitalizma. *Forum noveishei vostochnoevropeiskoi istorii i kul'tury* 1–2: 123–139.
- Minakov, M. (2020) Eastern Europe's Authoritarian Belt in Crisis. *Focus Ukraine*. Available at: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/eastern-europes-authoritarian-belt-crisis> [Accessed 23 September 2021].
- Minakov, M., Kasianov, G., & Rojansky, M. (2021) *From "The Ukraine" to Ukraine. A Contemporary History, 1991–2021*. Stuttgart: ibidem.
- Mische, M. (2015) Tensions between partisan and civic modes of engagement. In: *Social Movement Dynamics*. Edited by Frederic Rossi, Mark von Buelow. New York: Routledge, pp. 43–72.
- Moshes, A., Nizhnikau, R. The Belarusian Revolution: Sources, Interim Outcomes, and Lessons To Be Learned. *Demokratizatsiya* 29(2): 159–181.
- Mouffe, C. (2013) *Agonistics: Thinking the world politically*. New York: Verso Books.
- Nodia, G., Cenusă, D., Minakov, M. (2018) Towards becoming European-style democracies. In: *The Struggle for Good Governance in Eastern Europe*. Ed. by Michael Emerson. London: Rowman and Littlefield Publishers, pp. 9–55.
- Onuch, O. (2020) *Belarus rises: four months and counting*. ZOIS Publishing. Available at: <https://en.zois-berlin.de/publications/belarus-rises-four-months-and-counting> [Accessed 23 September 2021].
- Putnam, R. (2000) *Bowling alone: the collapse and revival of American community*. New York: Simon and Shuster.
- Shparaga, O. (2021) *Die Revolution hat ein weibliches Gesicht. Der Fall Belarus*. Berlin: Suhrkamp.
- Shraibman, A. "Minskoi vesne" – 20 let. *Zautra.by*. Available at: <https://zautra.by/news/news-20964> [Accessed 23 September 2021].
- Skaaning, S.E. (2020) Waves of Autocratization and Democratization. *Democratization* 27(8): 1533–1542.
- Stewart, S. (2013) *Democracy promotion before and after the 'colour revolutions'*. London: Routledge.

- Thinktanks.by. (2020) Опрос: около 80% участников протестов в Беларуси готовы протестовать многие месяцы – вплоть до года. *Thinktanks.by*. Доступ: <https://bit.ly/3kltdQt> [Доступ 23 сентября 2021].
- Tilly, C. (1978) *From mobilization to revolution*. Reading: Addison-Wesley.
- TsIK. (1994) Svedeniia ob itogakh Prezidenta Respubliki Belarus' 1 tur – 23.06.1994. Tsentral'nyi izbirkom Belarusi (TsIK). Available at: <https://bit.ly/2Y3vUDR> [Accessed 23 September 2021].
- TsIK. (2020) Svedeniia o rezul'tatakh gosovovaniia 9 avgusta 2020 goda. Tsentral'nyi izbirkom Belarusi (TsIK). Available at: https://rec.gov.by/files/2020/gol_itog.pdf [Accessed 23 September 2021].
- V-Dem. (2021) Varieties of Democracy variable graph database – version 11. Доступ: <https://www.v-dem.net/en/analysis/VariableGraph/> [Доступ 23 сентября 2021].
- Viasna. (1999) Agliad-khronika parushen'niau pravou chalaveka u Belarusi u 1999 godze. *Viasna* 24. Available at: http://spring96.org/files/reviews/be/1999_review_by.pdf [Accessed 23 September 2021].
- Viasna. (2001) Agliad-khronika parushen'niau pravou chalaveka u Belarusi u 2001 godze. *Viasna* 24. Available at: http://spring96.org/files/reviews/be/2001_review_by.pdf [Accessed 23 September 2021].
- Viasna. (2002) Agliad-khronika parushen'niau pravou chalaveka u Belarusi u 2002 godze. *Viasna* 24. Available at: http://spring96.org/files/reviews/be/2002_review_by.pdf [Accessed 23 September 2021].
- Viasna. (2003) Obzor-khronika narushenii prav cheloveka v 2003 godu. *Viasna* 26. Available at: http://spring96.org/files/reviews/ru/2003_review_ru.pdf [Accessed 23 September 2021].
- Wallerstein, I. (2010) *After liberalism*. New York: ReadHowYouWant.com.
- Wilson, A. (2016) Belarus: from a Social Contract to a Security Contract. *Journal of Belarusian Studies* 8(1): 78–91.
- Wilson, A. (2021) *The Last European Dictatorship*. New Haven: Yale University Press (ebook version).
- Zhuravlev, O., & Ishchenko, V. (2020). Exclusiveness of civic nationalism: Euro-maidan eventful nationalism in Ukraine. *Post-Soviet Affairs* 36(3): 226–245.